

Ассоциация ADEPT

ПРАВЛЕНИЕ И ДЕМОКРАТИЯ

Информационно-аналитический журнал

№1 Выпуск I

Кишинев, 2008

ISBN : 1857-3932

Журнал подготовлен Ассоциацией ADEPT
при финансовой поддержке Института «Открытое общество»
(Think Tank Fund), Будапешт

Автор: Игорь Боцан
Обложка и дизайн: Андрей Гамарц
Художник: Александр Димитров

Prepres: Издательство GUNIVAS

Мнения, выраженные в публикации, принадлежат авторам
и не обязательно отражают точку зрения финансирующей организации.

©ADEPT, 2008.

Ассоциация ADEPT

Кишинев, MD-2012, Республика Молдова
ул. В. Александри 97
Тел.: (+373 22) 212992, тел./факс: (+373 22) 213494
E-mail: adept@e-democracy.md
Web: www.e-democracy.md

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	4
<i>ПАРТИИ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА. Игорь Боцан</i>	7
<i>I. Вступление</i>	7
<i>II. Специфика молдавского электората</i>	13
<i>III. Проекция специфики электората на партии</i>	18
3.1 Левый сегмент политического спектра	20
3.2 Правый сегмент политического спектра	22
3.3 Центристский сегмент политического спектра	30
<i>IV. Воздействие чередования перемен и стабилизации на развитие партий</i>	34
<i>V. Влияние законодательства о партиях и о выборах на многопартийность</i>	44
5.1 Влияние законодательства о партиях	44
5.2 Влияние законодательства о выборах	46
<i>VI. Выводы</i>	50

Предисловие

Настоящий выпуск журнала «Правление и демократия» – особенный. Он посвящен развитию политических партий в Республике Молдова и приурочен к выставке PARTIDE.MD, которую Ассоциация ADEPT и Центральная избирательная комиссия решили провести перед началом предвыборной кампании. Авторы издания хотели тем самым предвосхитить дискуссии вокруг поведения молдавских партий на парламентских выборах, предстоящих весной 2009 года, и представить более структурированный обзор.

Современные демократии почти без исключений являются партийными демократиями, поэтому уже давно назрела необходимость в более серьезном анализе деятельности молдавских политических партий. Нынешний выпуск – попытка «нащупать» какие-то специфические особенности партий Молдовы и обрисовать их развитие.

Поскольку партиям отводится роль интерфейса между гражданами, голосующими за них, и государственными учреждениями, в которых партии представлены партийными кадрами, небесполезным будет осмыслить специфику молдавского электората. Предпочтения избирателей к определенным политформированиям и их электоральным предложениям не могут быть случайными, то есть, существуют причины и закономерности, способные объяснить такие предпочтения. А вывод, к которому приходят авторы, констатирует существующее положение: в условиях имитационной демократии, при которой заимствованные передовые демократические формы «наполняются» отечественным содержанием, крайне сложно понять, какой именно результат получится вследствие эволюционных мутаций.

На развитие партийной системы Республики Молдова в значительной степени повлияло законодательство о выборах и о деятельности партий. В этой связи следует постоянно уделять повышенное внимание правовым аспектам с тем, чтобы устранить препятствия на пути создания сильной партийной системы, в которой в равной степени будут сохраняться как элементы стабильности и прогнозируемости поведения, так и достаточное пространство для возможных перемен и сообразования с велениями времени.

В контексте вышеизложенного можно утверждать, что чередование перемен и стабилизации в процессе политического развития на протяжении последних 20 лет порождает ожидания, связанные с подтверждением этой закономерности маятника. С другой стороны, политический консенсус относительно европейской интеграции Республики Молдова требует, скорее всего, сохранения политической стабильности, что кажется невозможным в условиях, когда ради этой самой политической стабильности в отношении оппозиционных политических сил воздвигаются новые электоральные барьеры. Ставка, которую отдельные политические силы - выходцы делают на новую переменную, может означать лишь то, что так называемый политический консенсус в целях европейской интеграции потерпел крах, а партии опять начнут выяснять позиции и электоральные ниши, наиболее адекватно выражающие выбор избирателей.

ПАРТИИ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Игорь Боцан

I

Вступление

Демократизация в Республике Молдова прошла сложный путь *институционализации свободы, то есть обрамление свободы законами и институтами*, напрямую связанный со становлением и деятельностью партий в современных условиях. Отправной точкой развития партий и демократии в Молдове стало Движение национального возрождения, которое возникло на волне перестройки. Его поддержала достаточно большая часть населения во время парламентских выборов 1990 года, проходивших в условиях конкуренции. В результате 27 августа 1991 года парламент провозгласил независимость Республики Молдова. В то время лишь быстро развивающаяся политическая элита понимала, что завоеванную свободу необходимо *институционализировать* как на государственном, так и на частном уровне. Абсолютное большинство молдавских граждан ощутило последствия этих завоеваний несколько позже. Когда спала волна энтузиазма, стало ясно, что политическая культура населения, способность налаживать и управлять собственным бизнесом, умение защищать свои интересы и права при открытой экономической конкуренции, проявлять интерес к поддержанию минимальной социальной сплоченности и т. д. были намного ниже уровня, необходимого для развития в новых исторических условиях. Вот почему вскоре после завоевания свободы, когда социальное и материальное положение населения стало катастрофически ухудшаться, межэтническая напряженность начала усиливаться и абсолютное большинство молдавских граждан охватила ностальгия по *потерянному советскому раю*. Однако остановить запущенный механизм было уже невозможно. После провозглашения независимости Республики Молдова процесс демократизации, то есть *институционализации свободы*, сводился, по

сути, к заимствованию форм государственно-политического устройства, защиты гражданских прав, самоорганизации в гражданские институты и т. д. и т. п. В этом Республике Молдова оказывали содействие международные организации, например, Совет Европы, ОБСЕ и пр. В это же время международные финансовые учреждения, такие как Всемирный банк, Международный валютный фонд поддерживали социально-экономическую реорганизацию Республики Молдова. Незамедлительным результатом подобной институционализации свободы могло стать только создание *витринной демократии*¹ или *имитационной демократии*², при которой заимствованные западные формы были заполнены собственным, молдавским содержанием.

Понятия *витринной демократии* и/или *имитационной демократии* широко используются социологами и политологами для того, чтобы подчеркнуть, что такого рода демократии отмечены искажениями по

¹ Vladimir Pastii, Mihaela Miroiu, Cornel Codiță, «România – starea de fapt», Издательство NEMIRA, 1996, Том I, стр. 23.

² Дмитрий Фурман, «И невозможное возможно. Почему Россия не Казахстан», Независимая Газета, 5.10.2007, http://www.ng.ru/ideas/2007-10-05/10_nevozmozhnnoe.html

многим направлениям. Подобные демократии поддаются влиянию; они способны развиваться как в сторону подлинной демократии, так и в противоположную сторону. В этом смысле для развития ситуации в Республике Молдова важен опыт стран Центральной Европы, с одной стороны, и Содружества Независимых Государств (СНГ) – с другой. Первым удалось совершить быстрый переход от *имитационной демократии* к *подлинной* в западном смысле. На положительное развитие событий в странах Центральной Европы сильно повлиял «соблазн» обещаний о присоединении к Европейскому союзу, образованному на базе целого пакета ценностей и стандартов, обязательных для будущих членов. С другой стороны, в СНГ, в котором оказалась Республика Молдова, не существовало стандартов и ценностей, благоприятствующих переходу от *имитационной демократии* к *подлинной*. Наоборот, чинились всяческие препоны, дабы государства-участники не откололись от этого пространства. Вот почему в отдельных странах СНГ *имитационная демократия* развивалась в сторону авторитарности.

Республика Молдова входит в число стран СНГ с самым высоким показателем уровня демократии³, наряду с Украиной и Грузией, в которых в 2004 и в 2003 году соответственно произошли *цветные революции*. Стоит отметить, что грузинским и украинским гражданам, которые прошли сквозь советскую машину подавления гражданских свобод и инициатив, а также через спекуляции о навязывании цветных революций извне, тем не менее, хватило мужества возмутиться, когда их права были попораны. В этом отношении население Республики Молдова отличается «специфическим характером». Ее граждане никогда не участвовали в революциях и не высказывались за право закрепить независимость государства в ходе референдума, за утверждение Конституции либо других документов первоочередной важности для судьбы общества. Все важные для развития Республики Молдова документы принимались представителями парламентских политических партий. Это может означать, что политические партии не уверены в дееспособности молдавского электората (вспомните организованный в 1999 году консультативный референдум о переходе к президентской форме правления. Он однозначно показал, что власти могут очень легко манипулировать молдавским электоратом). Молдавский

---

³ Nations in transit 2007. Democratization from Central Europe to Eurasia, Edited by Jeannette Goehring, Freedom.

избиратель, в свою очередь, отвечает им взаимностью: по данным опросов, из всех государственных и частных институтов граждане доверяют в самой меньшей степени партиям (~15-20%)⁴.

И все-таки можно отметить, что молдавские партии сыграли положительную роль в демократизации общества. Они, в частности, неоднократно выступали против попыток учредить президентскую систему правления. Пример Российской Федерации, которая *институционализировала свободу*, утвердив в декабре 1993 года новую Конституцию, продемонстрировал, что президентская система неизбежно приводит к созданию так называемой *вертикали государственной власти и управляемой демократии*. Изменив свою Конституцию в 2000 году, Украина прошла тот же путь к укреплению *вертикали власти*, а именно: президентской. В итоге в России *вертикаль власти* «наследуют» преемники президентов: это происходит в результате закулисных политических комбинаций и при поддержке конституционных изменений (с неясным будущим), необходимых для обеспечения комфорта политических лидеров. В случае Украины для пересмотра конституционных норм и для ограничения полномочий Аппарата президента потребовалась «цветная революция». В противовес двум приведенным выше примерам молдавские политические партии постоянно и относительно успешно противостояли установлению президентского режима: они высказались в поддержку полупарламентского режима с достаточно хорошо уравновешенной системой сдержек и противовесов («checks and balance»). И все же Республике Молдова не удалось избежать создания *вертикали власти*. Это произошло, из-за того что в 2001 году на самых свободных и демократических выборах, когда-либо проходивших в Республике Молдова, электорат отдал абсолютную победу Партии коммунистов Республики Молдова (ПКРМ). Воспользовавшись возможностями, которые открывает наличие абсолютного большинства мест в парламенте, ПКРМ построила собственную *вертикаль власти* в условиях полупарламентского конституционного режима. По всей видимости, это произошло, потому что в своей истории политформирование не имело иного опыта, кроме управления государственными делами в рамках *вертикали власти*. Более того, успех, достигнутый ПКРМ, которая стала первой в мире коммунистической партией, добившейся абсолютной победы на свободных и корректных выборах, а не в результате революции

---

⁴ Барометр общественного мнения (БОМ), www.ipp.md.

или государственного переворота, как это происходило в других странах, указывает на специфическое поведение молдавского электората.

Есть основания думать, что специфику поведения электората предопределило и годами сохраняющееся господство определенных партий на политической арене. Вот почему для политформирований применение современных типологий классификации партий не столь важно, хотя их позиционирование на политической сцене – *слева направо* – достаточно хорошо объясняет суть многих вещей. Стоит также обратить внимание и на следующий факт: основные политические партии Республики Молдова не могут претендовать на то, что они выражают интересы определенных социальных слоев, так как социологический портрет их представителей и избирателей необычайно однородный. Данные последних электоральных циклов, например итоги выборов, состоявшихся в июне 2007 г., показали, что ведущие политические партии в органах местной власти мало чем отличаются друг от друга как с точки зрения уровня образования их членов, так и с точки зрения рода их деятельности (специальности.) В этой связи можно сказать, что социологический портрет представителей партий в представительных органах не играет никакой роли для политического расслоения в Республике Молдова. Например, выявлено, что с политической точки зрения в Республике Молдова самый активный социальный сегмент – предприниматели. Они составляют в районных/муниципальных советах примерно 1/4 (!) местных избранников. Безусловно, речь идет о представителях малого и среднего бизнеса (руководители обществ с ограниченной ответственностью, акционерных обществ и индивидуальных предприятий). Такой вывод мог бы обнадеживать, если бы молдавская политическая культура внушала уверенность в том, что предприниматели умеют четко разграничивать частные и государственные интересы. Самое интересное, что количество предпринимателей, представляющих Партию коммунистов Республики Молдова (ПКРМ) в органах местного публичного управления выше среднего показателя и выше количества предпринимателей, которые представляют партии либерального толка. Это может быть сигналом того, что бизнес пока еще приходит в политику преимущественно через правящую партию и, вероятно, не в связи с осознанием собственной роли в обществе, а, скорее всего, чтобы защититься от оказываемого на него давления.

Поэтому утверждение, что в Республике Молдова политика – самый выгодный бизнес, является вполне обоснованным.

Несмотря на то что Республика Молдова является *имитационной демократией*, она – самое настоящее *государство партий*⁵, впрочем, как и западные демократии. При этом этапы развития молдавской многопартийности совпадают с этапами социально-экономического и политического развития страны. Небезынтересным в этой связи представляется чередование *перемен* и *стабилизации* политической ситуации в Республике Молдова в периоды, которые схематично отображены следующим образом:

- *романтический*, когда результатом перемен стало завоевание независимости страны и утверждение ее новых символов;
- *прагматический*, когда *стабилизация* означала институционализацию свободы, полученной в *романтический* период путем утверждения новой Конституции и массового превращения государственной собственности в частную;
- *псевдореставрация*, когда *перемены* произошли в обратном направлении: ПКРМ вернувшись к власти, пообещала возврат к строительству социализма и коммунизма на основе марксистско-ленинской теории, возрождение СССР по новым принципам. Но под давлением обстоятельств была вынуждена отказаться от собственных обещаний;
- *национальный консенсус*, когда в силу определенных обстоятельств сохранение политической *стабильности* стало в равной степени необходимым для бывших непримиримых политических соперников: ПКРМ с одной стороны и Христианско-демократической народной партии и других оппозиционных формирований с другой. Все политические силы, представленные в парламенте, избранном в марте 2005 года, обязались сообща продвигать европейскую интеграцию Республики Молдова.

В 2005 году идея *европейской интеграции* по своему потенциалу была равнозначна *национальной идее*, способной сплотить общество и придать политическому состязанию партий равнодействующее направление, то есть включить партии в борьбу за определение той, которая быстрее и эффективнее приведет Республику Молдова в Европейский союз. Спустя примерно четыре года продвижения европейской интеграции потенциал для сплочения, которым она обладала, ослаб из-за *имитационной демократии* и поведения политических сил.

---

⁵ Hans Kelsen, *La Democratie*, в *Economica*, 1988, стр. 31.

II

Специфика молдавского электората

Поведением молдавских избирателей, как и во всем в мире, движет набор основных ценностей и традиций. Электорат предпочитает голосовать за политические формирования, уже укоренившиеся в отечественной «политической почве», или же за новые формирования, способные обеспечить *перемены* к лучшему. Опыт последних двадцати лет перехода к демократии доказал, что в Республике Молдова успехов на выборах смогли добиться только формирования, способные занять и сохранить доминирующие позиции в нескольких «политических нишах», которые имеют традиционные определения – *левая, правая и центр*. Отдавая свои голоса за партии из этих «ниш», молдавский электорат в полной мере проявляет свою специфику, сформировавшую в силу нескольких факторов.

Во-первых, Республика Молдова – преимущественно сельская страна, где соотношение между сельским и городским населением составляет 53% против 47%. Ее уничижительно называют «селом Европы». И, вероятно, не случайно: наименее урбанизированная в Европе страна является и самой бедной, хотя преимущественно сельский характер страны и не служит единственной причиной бедности. Молдавская интеллигенция, которая должна оказывать ощутимое влияние на электоральное поведение населения, выражая взгляды, основанные на национальных ценностях, фактически этого не делает. Возможно потому, что в массе своей является «национальной интеллигенцией в первом поколении», а ее лучшие представители, обладающие реальной властью над умами соотечественников, не могут прийти к единому мнению относительно политического будущего Республики Молдова. В общих чертах то же самое можно сказать и о по-

литической и управленческой элите. Консерватизм и инертность в заимствовании нового общественно-политического и экономического опыта в молдавском обществе настолько сильны, что самые активные граждане предпочитают эмигрировать в поисках более высокооплачиваемой работы или лучшей доли, нежели пытаться что-то изменить в своем городе/селе или в стране. Как следствие, около 1/3 трудоспособного населения или порядка 1/4 населения, имеющего право голоса, находится за пределами страны. Речь, разумеется, идет о самой активной, самой образованной и способной адаптироваться к новым условиям части населения. Как раз эта часть не участвует в голосовании, ведь она находится за границей, где проголосовать можно только в примерно 15-20 дипломатических представительствах, возможности которых достаточно ограничены. А в итоге, из примерно полумиллиона граждан, находящихся за пределами страны, голосуют около 10 тыс., то есть около 2%⁶.

Во-вторых, Республика Молдова практически единственная в Европе страна, где кризис национальной идентичности (молдаване или румыны?) представляет собой определяющий фактор в поляризации взглядов политических сил. Начиная с выборов 1994 года данный вопрос постоянно используется в предвыборных кампаниях. Серьезные дебаты между партиями на социально-экономические и политические темы зачастую умышленно подменяются этнолингвистическими, историческими и т. д. спорами. Такого рода дискуссии имеют максимальное пропагандистское воздействие – они вызывают непосредственно к чувствам граждан и к естественной потребности национального самоопределения. В этом контексте отметим, что за минувшие после провозглашения независимости Республики Молдова годы отечественная интеллигенция придерживалась обычно прорумынских взглядов, сельское население разделяло преимущественно промолдавские взгляды, а русскоговорящие национальные меньшинства, которые сосредоточены в основных городах и которые в начале 90-х составляли около 35% всего населения страны, постоянно отличались пророссийскими симпатиями.

В-третьих, советский идеологический эксперимент, связанный с подрывом веры в Бога, которую должна была заменить вера в «светлое

---

⁶ По официальной статистике, число молдавских эмигрантов оценивается в 500-600 тыс. человек, тогда как по неофициальным данным, за пределами страны проживает и трудится один миллион молдавских граждан.

коммунистическое будущее», обернулся в Молдове (преимущественно сельской стране) более губительным воздействием, чем в урбанизированных государствах и регионах, где социальные ценности не имеют столь явной религиозной подоплеки. С этой точки зрения современные политические доктрины и названия партий, отражающие доктринальные предпочтения, не слишком понятны большинству молдавских избирателей, будучи достоянием относительно узкого сегмента партийной элиты, исследователей и студентов и, быть может, групп сторонников соответствующих формирований.

И действительно, системы ценностей, которые молдаване разделяли на протяжении более одного тысячелетия, были глубоко христианскими. И только в 40-х – 90-х годах прошлого века они были заменены на коммунистические. А в итоге, последствия этого оказались катастрофическими: веру в Бога «конфисковали», а земное счастье – коммунизм, так и не построили. Подобная ситуация обернулась, с одной стороны, чувством разочарования и отсутствием ценностных ориентиров для абсолютного большинства населения, а с другой – стала настоящим «раем» для «выскочек». В ситуации отсутствия ориентиров на первый план выдвигаются призывы вернуться к истокам, к «подлинным» национальным, традиционным ценностям, к вере предков и т. д. и т. п., что в конце 80-х – начале 90-х, когда происходил развал СССР, послужило стимулом для роста национализма. Позже процесс перехода потребовал «заимствования» привлекательных социальных моделей, которые доказали свою жизнеспособность и успешность в случае других стран. Как уже отмечалось выше, такими моделями могли стать только западные.

После примерно 20 лет переходного периода общественные опросы показывают, насколько успешной была *институционализация свободы* в Республике Молдова по западным моделям. Таким образом, наибольшим доверием среди граждан пользуется⁷ Церковь – ей доверяют около 70-80% населения, местная администрация постоянно пользуется доверием 35-45% граждан, институтам центральной власти доверяют 25-35% граждан, правосудию – порядка 25%-30%, а институтам гражданского общества – около 15-30%. Видно, что молдавские граждане намного больше доверяют традиционным институтам, нежели модернизированным в результате демократизации. В этом контексте уместно подчеркнуть, что самые важные

---

⁷ Барометр общественного мнения, апрель 2008 года, Институт публичных политик.

для защиты и продвижения текущих интересов граждан структуры, то есть профсоюзы и политические партии, пользуются наименьшим доверием: около 20% и 15%, соответственно. Поэтому совсем не случайно, что основные политические силы с правого и левого флангов наладили очень тесные связи с Церковью, которая пользуется наибольшим доверием населения. Так, Партия коммунистов Республики Молдова (ПКРМ) имеет особые отношения с Молдавской митрополией, подчиняющейся Русской патриархии. С другой стороны, Христианско-демократическая народная партия (ХДНП) выступала главным сторонником повторной регистрации на территории Республики Молдова Бессарабской митрополии, которая находится под юрисдикцией Румынской патриархии⁸.

В-четвертых, следует учитывать и отношение к институту собственности. Речь идет о том, что на протяжении всего 50 лет жители Республики Молдова дважды пережили величайшую несправедливость. В 40-х годах прошлого века частная собственность была национализирована, а большинство собственников – депортированы. В 90-х годах произошел обратный, но столь же несправедливый процесс: государственная собственность была вынесена на приватизацию, вследствие которой большинство граждан так ничего и не получили. То, как власти отнеслись к институту собственности во многом подпитало нигилистическое отношение к собственности и бизнесу. С этой точки зрения практически ни одна из политических партий, ставивших во главу угла проблему собственности, поддержку малого бизнеса и другие цели, связанные с модернизацией и реформированием института собственности, не смогла добиться особых электоральных успехов⁹. Надо признать, что перечисленные проблемы, тем не менее, были включены в программы партий, но они не занимали в них самое важное место.

В общих чертах можно утверждать, что электоральное поведение молдавских избирателей вполне предсказуемо. Если социально-экономическая ситуация в стране остается относительно стабильной, то от одного электорального цикла до следующего электоральные предпочтения претерпевают незначительные изменения. Столь же предсказуемо пове-

---

⁸ По некоторым оценкам, прихожане Молдавской митрополии составляют порядка 80-90% православных христиан, а Бессарабской митрополии – 10-20%.

⁹ К примеру, избирательный блок «Гражданский альянс «Furnica», избирательный блок «Альянс юристов и экономистов» и пр.

дение избирателя и в случае катастрофического ухудшения социально-экономического положения. Электорат наказывает партии, находившиеся у власти, и его голос протеста идет в поддержку партий, правивших, когда его материальное положение было несколько лучше. Пока молдавские избиратели не пускались на уникальные эксперименты по массовой поддержке новых политических сил, не имеющих глубоких корней в молдавской *политической почве*. Вместе с тем спустя 20 лет многопартийности прослеживаются новые тенденции, предвещающие возможные изменения в электоральном поведении молдавских граждан.

III

Проекция специфики электората на партии

Вполне естественно, что специфическое поведение молдавского электората влияло на позиционирование партий на политической арене и на их электоральный успех. Действительно, успеха на выборах добивались партии с четкими, понятными избирателям обращениями, взывающими к старым и новым ценностям и отвечающими требованиям о возврате к национальным традициям и о социальной защите. И поскольку на протяжении около 200 лет до провозглашения независимости Республики Молдова ее территория входила попеременно то в состав Российской Империи, то Королевской Румынии и СССР, то примерно равные сегменты молдавского электората следовали за политическими формированиями, выступавшими с призывами о возвращении на российскую орбиту или же о присоединении к Румынии. И все же самым серьезным электоральным успехом пользовались партии, которые выступали в поддержку независимости или же пересмотрели свои взгляды в ее пользу. Подобное отношение достаточно четко отражается в ироничном замечании о том, что в Республике Молдова есть не политические, а «**геополитические**»¹⁰ партии. И, правда, левые партии, как правило, это формирования, выступающие за сближение с Россией и/или СНГ; к правым силам относятся прорумынские и/или прозападные партии; центристскими же являются промолдавские партии, продвигающие идею независимости Республики Молдова и «многовекторной» внешней политики.

---

¹⁰ Замечание депутата Олега Серебряна в лекции перед участниками «Школы молодых политических лидеров», 15 мая 2008 года.

Споры по поводу доктринальных предпочтений оказались в определенной степени тщетными и не возымели какого-либо серьезного воздействия на поведение молдавского электората, хотя доктринальная близость остается важной для консолидации партийных элит. Объяснение тому заключается в следующем: пути решения проблем, с которыми сталкиваются граждане, и преодоление слабого развития Республики Молдова подсказывают не столько доктринальные заповеди, сколько западные партнеры Республики Молдова – Европейский союз, международные финансовые и демократические учреждения, помогающие стране модернизироваться. Это происходит, потому что у Запада есть ценности и стандарты, а партнеры по СНГ, в лучшем случае, являются такими же *имитационными демократиями*, как и Республика Молдова. Таким образом, политические программы прозападных партий, с одной стороны, и партий, которые являются сторонниками СНГ, с другой, за небольшими исключениями, схожие. Разница заметна лишь на уровне структуры и стилистики документов.

С практической точки зрения, любой партии, независимо от ее политической окраски, после прихода к власти в Республике Молдова предстоит сделать одно и то же, а именно: обеспечить достижение минимальных социально-экономических и политических стандартов, используя наиболее эффективные пути и способы, рекомендованные западными партнерами. Пусть это покажется странным, но никто больше не удивляется, что в апреле 2007 года Партия коммунистов Республики Молдова (ПКРМ) провозгласила «либеральную революцию». Чтобы партии могли занять

доминирующие позиции на одном из трех сегментов политического спектра, они должны ссылаться на определенную традицию или/и восприниматься как проводники «перемен» к лучшему и возвращению к «потерянному раю» (при этом, неважно, идет ли речь о развитии в сторону модернизации или же о движении в обратную сторону). В худшем случае, дабы не утратить свой рейтинг, правящие партии должны обеспечить в стране минимальную социально-экономическую стабильность.

В настоящее время спустя примерно 20 лет многопартийности ясно наметилось «соскальзывание к центру» бывших антагонистических партий правого и левого толка. Это новое явление способствует стиранию граней между традиционными политическими нишами. Как следствие, избиратель с твердыми взглядами предпочитает голосовать за другие партии, что может привести к реорганизации политического спектра. По всей видимости, данное явление предельно четко проявится на будущих парламентских выборах весной 2009 года.

3.1 Левый сегмент политического спектра

Первоначально левый сегмент политического спектра заняли два формирования – выходцы из Интернационального Движения – «Интерфронт», состоящий из Социалистической партии Молдовы (СПМ) и Движения «Unitatea-Единство». На парламентских выборах 1994 года они создали избирательный блок и получили 28 мандатов из 104. После своей регистрации в апреле 1994 года Партия коммунистов Республики Молдова быстро отвоевала симпатии граждан, придерживающихся левых взглядов, и, практически, вывела две вышеназванные партии из политической жизни. Вполне вероятно, что в качестве ответной реакции на тяготы переходного периода 90-х годов большинство граждан поддержали политические силы, обещавшие возвращение в «потерянный рай». В любом случае, в 1994 году, когда Коммунистическая партия еще не была зарегистрирована, граждане массово проголосовали за временных «заменителей коммунистов» – Аграрно-демократическую партию Молдовы (АДПМ) и Избирательный Блок «Социалистическая партия и Движение «Unitatea-Единство». В феврале 2001 года, то есть через семь лет после возвращения ПКРМ в законное поле, граждане проголосовали за обещание ПКРМ восстановить социализм, построить коммунизм и принять участие в «создании на добровольных и новых началах федерации бывших советских республик».

И это произошло в ходе самых свободных и корректных выборов, когда-либо состоявшихся в Республике Молдова, которые обеспечили ПКРМ абсолютную победу и конституционное большинство в парламенте.

Однако спустя примерно полгода после прихода к власти, в феврале 2001 года, началось «соскальзывание» ПКРМ в сторону центра политического спектра... И в этом смысле ПКРМ повторила судьбу многих западных «антисистемных» партий, которые, придя к власти, приспособились и вписались в систему и даже стали самыми рьяными ее защитниками. Чтобы удержаться у власти, ПКРМ отказалась от основных принципов марксистско-ленинской доктрины, которую, как она утверждала, разделяет. Об этом было объявлено в октябре 2003 года на партийной конференции, посвященной 10-летней годовщине возрождения политформирования. Впрочем, после прихода ПКРМ к власти ее политика была нацелена на пересмотр результатов реформ, начатых предыдущим руководством страны, путем их адаптации к собственным интересам партии.

В плане идеологии всего за 7 лет правления страной ПКРМ перешла от марксистско-ленинской доктрины к продвижению идей «постиндустриализма». Примечательно, что в современной западной типологии¹¹ партии, поддерживающие постиндустриализм, считаются крайне правыми. Еще интереснее то, что к основным чертам партий с постиндустриалистской идеологией относятся: наличие лидера, директивы которого не подлежат обсуждению или сомнению; четкая структура, основывающаяся на традициях и т. д. Странно, но эта характеристика прекрасно подходит ПКРМ. В любом случае, за восемь лет нахождения у власти лидер ПКРМ сумел навязать формированию поведение, далекое от заповедей коммунистической идеологии: он предпочитал прагматично отвечать текущим потребностям общества, равно как и собственным интересам. Так, поразительным образом лидеры ПКРМ вдруг стали основными сторонниками православного христианства. Под патронажем лидера ПКРМ происходит восстановление и сооружение храмов и церквей, каждый год в канун Пасхи организуется доставка Благодатного огня из Иерусалима и т. д. и т. п. Несмотря на это, чтобы не утратить электоральную поддержку самых бедных социальных слоев, ПКРМ не отказывается от коммунистической риторики и от ком-

---

¹¹ Gunther R., Diamond L. Species of political parties: A new typology// Party politics –L. Etc., 2003 – Vol.9, N2 – P.167-199.

мунистических ритуалов. Последним пропагандистским трюком (ноябрь 2008 года) прокоммунистических СМИ стало активное распространение тезиса «о пророссийской европейской интеграции Республики Молдова», которую это политформирование якобы продвигает.

В экономической сфере политика, проводимая ПКРМ, также вызывала немалое удивление. Так, в апреле 2007 года лидер ПКРМ объявил о «либеральной революции», а уже через год правительство Республики Молдова обнародовало один из самых впечатляющих списков объектов, подлежащих приватизации. Новые планы о приватизации, намеченные правящей ПКРМ, вкупе с программами приватизации 1995-1996 годов и 1997-1998 годов, разработанными Аграрно-демократической партией Молдовы (АДПМ), которая вначале была «заменителем», а затем политическим союзником ПКРМ, намного превосходят планы и объемы приватизаций, проведенных так называемыми демократами. Таким образом, на практике оказалось, что самыми серьезными инициаторами и проводниками приватизации госсобственности в Республике Молдова были коммунисты и их союзники.

Модернизация и «соскальзывание» ПКРМ к центру, произошедшие за годы ее пребывания у власти, послужили для нескольких мелких партий левого толка поводом для попыток состязаться с ПКРМ на левом электоральном фланге. Соответствующие политформирования обвинили ПКРМ в том, что та перестала быть подлинной коммунистической партией, что она изменила свой внешнеполитический выбор – с пророссийского на прозападный. Однако труды СПМ, Партии социалистов «Патрия-Родина», Движения «Равноправие», Союза труда «Патрия-Родина» и Движения молдавских гастарбайтеров в Москве «Партия-Молдова» были напрасными. В 2008 году прилагались усилия по созданию гражданской платформы под эгидой движения «Друзья России в Молдове», способной сплотить русскоязычный электорат вокруг политической платформы, конкурирующей с платформой ПКРМ. Движение возглавил Василе Тарлев – премьер-министр в 2001-2008 годы и одна из главных фигур правящей команды ПКРМ. Подал в отставку в марте 2008 года, Тарлев озвучил собственные политические амбиции, а правящей ПКРМ ничего не оставалось, как противодействовать этому, создавая барьеры в регистрации организации экс-премьера и его подтверждении в должности председателя Центристского союза Молдовы

3.2 Правый сегмент политического спектра

Со времен перестройки и до настоящего времени на правом сегменте политического фланга доминировали формирования-выходцы из Народного фронта Молдовы (НФМ), который стал первым и самым широким массовым движением, воспротивившимся господству Коммунистической партии. Преемницей НФМ объявила себя Христианско-народная партия Молдовы (ХДНП), обеспечив себе тем самым влиятельную позицию на правом фланге политической сцены. ХДНП и в настоящее время прилагает усилия, чтобы ее считали единственным преемником НФМ.

Несмотря на стремительный подъем НФМ в 1988-1991 годы, его эффективность и влияние пошли на убыль, когда обстоятельства потребовали от лидеров движения политической гибкости и управленческих качеств. Лидеры НФМ оказались неподготовленными сменить героическую риторику, конфронтацию со своими соперниками, вполне уместные, когда оспаривалось коммунистическое господство, на риторику и поведение, адекватные, когда в их руках оказались бразды правления. Целая череда факторов, как то: внешнее военно-политическое давление; необходимость урегулировать этнолингвистические и социально-политические конфликты; необходимость решать повседневные проблемы граждан и т. д. и т. п. привели к тому, что на первый план вышли, скрываясь за разными псевдодемократическими ширмами, те, кто обладал навыками руководителей, то есть бывшие «номенклатурщики». Для интеллектуалов из НФМ, поднявшихся на героической волне национального возрождения и «сотворения истории», проблемы, навязанные суровой действительностью, оказались сложными или, скорее всего, скучными. Вот почему бывшим «номенклатурщикам», сохранившим свои позиции в административной паутине, было совсем несложно шаг за шагом отобрать власть у представителей НФМ. Впрочем, представители НФМ, порой, в условиях даже не слишком уж невыносимого давления, предпочитали добровольно отказаться от самых высокопоставленных и влиятельных постов в парламенте, удивляясь, что им не аплодируют за проявленное демократическое мужество. Так было, к примеру, в январе 1993 года, когда высшее руководство парламента, состоявшее из выдающихся членов НФМ, подало в отставку.

В итоге, на первых многопартийных выборах 1994 года именно бывшая сельская «номенклатура», которая реорганизовалась в Аграрно-демократическую партию Молдовы (АДПМ) получила контроль над властью

и оказалась достаточно востребованной, чтобы вернуться к власти в качестве «заменителя» Коммунистической партии, запрещенной в августе 1991 года. К тому времени НФМ переживал процесс раскола, начавшийся еще в 1991 году, когда 13 октября он перешел в оппозицию. После парламентских выборов 1994 года два больших осколка бывшего НФМ – Христианско-демократический народный фронт (ХДНФ)¹² и Конгресс интеллигенции (КИ)¹³ вступили с другими формированиями-выходцами из НФМ в борьбу за электоральный сегмент, который за 1990-1994 годы сузился с ~35% до ~25%. Из этих формирований только ХДНП удалось до настоящего времени удержаться на плаву, упорно развивая собственную мифологию. Юбилейный X-ый съезд ХДНП, состоявшийся в июне 2008 года и приуроченный к 20-й годовщине образования политформирования, посвящался перечислению этапов развития партии: от включения в неформальное движение за национальное возрождение и провозглашения независимости Республики Молдова до включения в процесс европейской интеграции. Это было названо «успешным проектом». Объективно говоря, ни одна другая партия не может оспорить качество ХДНП как практически эксклюзивного преемника НФМ, хотя на сегодняшний день выдающихся личностей НФМ можно встретить в различных партиях и гражданских организациях. Ни одно другое формирование, кроме ХДНП, не смогло удержаться в вихре социально-политических событий и не имеет непрерывной «институциональной памяти», которая соединяла бы в единую цепочку события последних 20 лет.

Для ХДНП характерно, что формирование фактически беспрестанно находилось в непримиримом конфликте со своими политическими противниками. Во второй половине 90-х годов прошлого века ХДНП конфликтовало с формированиями-выходцами из НФМ. С одной стороны ХДНП обвиняли в том, что она продвигает радикальные подходы и позиции, отвергающие потенциальных политических партнеров и избирателей с менее твердыми взглядами. Таким образом, бывшие соратники по НФМ обвиняли формирование в «политическом ребячестве»¹⁴ за то, что оно не сумело сохранить сотрудничество с АДПМ, состоявшей из бывших председателей колхозов, которые в конце 80-х – начале 90-х поддерживали

---

¹² На состоявшемся в 1999 году съезде ХДНФ сменил название на Христианско-демократическую народную партию (ХДНП).

¹³ КИ впоследствии переименовался в Партию демократических сил (ПДС).

¹⁴ *Băiețismul în politică*, Nicolae Dabija, «Literatura și arta», август 1996.

действия НФМ, в том числе и материально. С другой стороны, ХДНП как преемнику НФМ припоминали, что для него, в отличие от всех народных фронтов бывших советских республик, достижение государственной независимости было лишь промежуточной целью, тогда как конечная программная цель состояла в объединении с Румынией. Как следствие, в разгар предвыборной кампании ХДНП часто обвиняли в экстремизме. ХДНП резко и язвительно отвечала на эти нападки, представляя своих оппонентов «лжедрузьями», называя их «коррумпированными» и т. д. В настоящее время отношения ХДНП с оппонентами, посягающими на ее позиции на политической арене, дошли до такого предела, когда уже просто неважно, кто породил вражду, а кому пришлось давать отпор. Впрочем, поведение формирований-выходцев из НФМ, подтвердило закономерность: заявленная, но не достигнутая цель, какой было объединение с Румынией, порождает конфликты между теми, кто когда-то выступали единым фронтом для ее достижения. В этом смысле постоянное сведение счетов на правом фланге политического спектра не что иное как постоянный поиск виновных в том, что установленной цели достичь не удалось. А в итоге из-за бесконечного выяснения отношений на протяжении минувших электоральных циклов рейтинг ХДНП сохранялся на уровне 8-10%. Остальные формирования-выходцы из НФМ, за исключением ПДС, которая до окончательного провала в 2001 году имела примерно 10%, не смогли преодолеть в рейтингах отметки в 2-3%.

После очень скромного результата на парламентских выборах 1994, когда формирование набрало 7,5% голосов электората, лидеры ХДНП неоднократно пытались преодолеть негативные клише и стереотипы общества в отношении ХДНП. Для начала ХДНП отказалась участвовать в местных выборах 1995 года, сославшись на недемократичность нового закона о местном публичном управлении. На самом деле можно предположить, что ХДНП потребовалась передышка, чтобы пересмотреть свои позиции, прежде чем вернуться в политику. Год спустя ХДНП удивила решением пойти на альянс с формированием президента Мирчи Снегура и поддержать его на президентских выборах 1996 года. Это произошло, несмотря на то что в 1991-1995 годах Мирча Снегур был главным героем памфлетов ХДНМ, из-за того что продвигал идею расширения президентских полномочий и подписал в Алма-Ате соглашение о создании СНГ. На парламентских выборах 1998 года ХДНП входила в состав Демократической конвенции Молдовы (ДКМ), созданной на базе формирования экс-президента Мирчи Снегура – Партии возрождения и согла-

сия Молдовы (ПВСМ). Эти примеры наводят на мысль, что после 1996 года ХДНП пыталась подключиться к «административным ресурсам», чтобы с их помощью укрепить свои позиции и преодолеть стереотипы, заложником которых она оказалась.

После выборов 1998 года ХДНП участвовала в создании парламентского большинства Альянса «За демократию и реформы» (АДР)¹⁵. Из четырех компонентов АДР только у ХДНП среди уставных целей был четкий пункт относительно объединения с Румынией. Партия демократических сил (ПДС), выделившаяся в качестве политической силы из НФМ, подобной, ясно выраженной цели не имела. Другие два формирования – Партия возрождения и согласия Молдовы (ПВСМ) и Блок «За демократическую и процветающую Молдову» (БДПМ) были выходцами из Аграрно-демократической партии Молдовы (АДПМ) и имели репутацию антиунионистских. Для участия в управлении страной в составе такой коалиции лидерам ХДНП пришлось выступить с принципиальным уточнением относительно собственной унионистской цели, а именно: объединение с Румынией остается для ХДНП мечтой. Но так как никому мечтать не возбраняется, то формирование будет осуществлять свою деятельность, исходя из существующих реалий, а объединение станет возможным только путем референдума, если идею объединения поддержит большинство населения¹⁶. Такое уточнение, сделанное перед видеокамерами, увы, не спасло формирование от подозрений партнеров по АДР, которые по-прежнему считали ХДНП унионистской, а следовательно, антигосударственной. Подобные доводы приводились во время правительственного кризиса в феврале-марте 1999 года, когда партнеры по АДР отказались отдать ХДНП должности в правительстве, на которых та настаивала. Подобное отношение партнеров по АДР к ХДНП, скорее всего, было для нее лишь предлогом, чтобы объяснить свой выход из АДР и начать кампанию по обвинению представителей АДР в коррупции. В любом случае, в условиях глубокого экономического кризиса, обусловленного финансовым коллапсом, произошедшим в августе 1998 года, ХДНП опять оказалась перед дилеммой: быть с властью или быть в оппозиции. При таких обстоятельствах в декабре

---

¹⁵ В АДР входило четыре политических формирования: Христианско-демократическая народная партия (ХДНП), Партия демократических сил (ПДС), Партия возрождения и согласия Молдовы (ПВСМ) и Блок «За демократическую и процветающую Молдову» (БДПМ).

¹⁶ Телеинтервью с председателем ХДНП Юрием Рошкой, прозвучавшее в апреле 1998 года (в изложении автора).

1999 года состоялся VI съезд ХДНП, принявший новые варианты устава и программы формирования. Из них были исключены пункты, касающиеся объединения с Румынией. В итоге, ХДНП преобразилось из «фронта» в «партию». По сути, после указанного съезда формирование собственно и стало называться ХДНП. С этого и начался третий этап в его развитии – «европеизация», необходимая для того, чтобы ХДНП могла стать членом Христианско-демократического интернационала.

После парламентских выборов 2001 года ХДНП осталась единственным формированием правого толка, представленным в парламенте. В 2001-2005 годы разногласия между ХДНП и ПКРМ образовали вакуум на центристском сегменте политического спектра, которым и воспользовался Блок «Демократическая Молдова» (БДМ), заняв его после парламентских выборов 2005 года. Это удалось БДМ благодаря тому, что он представлял собой скопление партий социал-демократического, социал-либерального и либерального толка, сплотившихся вокруг Партии «Альянс «Наша Молдова» (ПАНМ). Для ХДНП, которая стремилась к установлению в Республике Молдова двухпартийной системы, успех ПАНМ стал угрозой, подобной тому, как во второй половине 90-х годов угрозой для нее была ПДС. Поскольку отношения ПАНМ с ПКРМ были такими же непримиримыми, как и отношения с ХДНП, хотя причины антагонизма были совершенно разными, у последней была альтернатива: вступить в состязание с ПАНМ, чтобы выяснить, какая же из них более «антикоммунистическая», или же пойти на партнерство с ПКРМ, которая согласилась принять европейскую интеграцию в качестве стратегической цели и нуждалась в поддержке для переизбрания главы государства.

Необходимость поддержания минимального уровня стабильности при политической конъюнктуре, отмеченной давлением со стороны Российской Федерации¹⁷, вынудила ХДНП при помощи внешних факторов преодолеть вражду с ПКРМ и принять участие вместе с двумя другими политформированиями, представленными в парламенте, в переизбрании президентом страны лидера ПКРМ Владимира Воронина. Несомненно, переговоры по достигнутым договоренностям можно было провести более эффективно и в условиях больше транспарентности. Однако в общих чертах основания, из-за которых в 2005 году ХДНП

---

¹⁷ В феврале 2005 года в канун парламентских выборов Государственная дума России приняла три резолюции с угрозами в адрес Республики Молдова.

поддержала переизбрание Владимира Воронина в должности президента, практически те же, что и в 1996 году, когда на президентских выборах ХДНП поддержала кандидатуру лидера Партии возрождения и согласия Молдовы (ПВСМ), экс-президента Мирчи Снегура. Тогда, то есть в 1996 году, ПДС была конкурентом ХДНП на роль главной оппозиционной силы правого толка, а лидер ПДС Валериу Матей включился в президентскую гонку, чтобы утвердиться в таком качестве. В 2005 году сложилась аналогичная ситуация: единственным конкурентом ХДНП на роль основной оппозиционной силы стала ПАНМ. Поведение ХДНП в обоих случаях подсказывает, что данное формирование предпочитает, либо быть единственной и неповторимой оппозиционной силой, либо найти выход в сотрудничестве с правящей партией. Но если задаться вопросом, каковы причины подобного поведения ХДНП, то, наверное, можно прийти к выводу, что все сводится к истории становления формирования ХДНП как единственного преемника НФМ. По утверждениям лидеров ХДНП, все остальные формирования правого толка лишь пожинают плоды деятельности ХДНП еще с начала Движения за национальное возрождение. По крайней мере, такой вывод вырисовывается из ответов лидеров ХДНП оппонентам с правого сегмента политического спектра и бывшим соратникам – «дескать, не надо было покидать НФМ, тогда мы были бы едиными и сильными».

Не считаться с доводами ХДНП в поддержку продвигаемой политики нельзя. Решение пойти на альянс с партией экс-президента Мирчи Снегура было принято сразу после того как в 1995 году тот резко изменил свои «молдованистские» взгляды, выраженные на предвыборном съезде «Наш дом – Республика Молдова» в феврале 1994 года и на состоявшемся после выборов национальном опросе «Совет с народом» /«La sfat cu poporul»/. Произошедшего в 1995 году разрыва отношений с АДПМ и выдвинутой инициативы о проведении референдума для изменения ст. 13 Конституции относительно замены синтагмы «молдавский язык» на синтагму «румынский язык» оказалось достаточно для оправдания альянса между ХДНП и экс-президентом Мирчей Снегуром. В 2005 году «консенсус» между ХДНП и ПКРМ был достигнут вследствие того, что лидер ПКРМ подвергался давлению со стороны России и объявил еще в начале 2002 года об изменении стратегической цели: вместо присоединение Республики Молдова к Союзу Россия-Беларусь на первый план была выдвинута идея евроинтеграции.

В силу последних изменений в поведении и в политике ХДНП некоторые из местных наблюдателей осмеливаются предрекать, что на парламентских выборах 2009 года это политформирование покинет «политическую сцену». Впрочем, подобных предсказаний с лихвой хватало в канун парламентских выборов 2001 года и 2005 года, но они так и не сбылись. Объяснение постоянному рейтингу (8-10%), который ХДНП сохраняет на протяжении последних 15 лет, заключается, вероятно, как в глубоких корнях формирования, пущенных в молдавской «политической почве», так и в способности доказывать своим избирателям, что его «политические маневры» по отношению к правящей силе правильные. То есть в 1995 году не ХДНП примкнула к ценностям, которые ранее разделял Мирча Снегур, а наоборот. То же самое было и в 2005 году: тогда не ХДНП стала вдруг разделять идею интеграции Республики Молдова в Союз Россия-Беларусь, а ПКРМ провозгласила себя сторонником европейской интеграции т. д. и т. п. И тогда возникает резонный вопрос, а почему ХДНП нужно состоять в оппозиции к власти? Ответ оппонентов ХДНП, по крайней мере, относительно ее сотрудничества с ПКРМ, следующий: ни в коем случае нельзя верить в искренность коммунистической партии и председателя ПКРМ Владимира Воронина нельзя сравнивать с председателем ПВСМ Мирчей Снегуром.

С другой стороны примечательно, что в 2005 году, как и 1995, ХДНП удалось извлечь выгоду из своего союза с властью. А именно, сотрудничество ХДНП с ПКРМ имеет все отличительные черты политического картельного соглашения, в том числе относительно разделения медийного пространства Республики Молдова. В этом смысле, как ХДНП, так и ПКРМ только повторяют путь развития западных партий за последние 50 лет (некоторые исследователи констатируют, что из основных элементов демократизации общественной жизни партии превращаются в главные препятствия на пути этого процесса).

В силу вышеизложенного, на сегодняшний день деятельность ХДНП – наиболее спорная в молдавской политической жизни. Соскальзывание ХДНП к центру и ее сотрудничество со своим главным политическим противником – ПКРМ привело к тому, что, по меньшей мере, три партии либерального толка – Либеральная партия (ЛП), Либерал-демократическая партия Молдовы (ЛДПМ) и Национал-либеральная партия (НЛП), двое из лидеров которых входили в свое время в БДМ, оспаривают позиции ХДНП на правоцентристском сегменте. ХДНП парировала двойной

репликой. С одной стороны ХДНП выпячивает свои достижения в борьбе за национальную эмансипацию и независимость Республики Молдова, как это было на последнем торжественном съезде, приуроченном к 20-й годовщине создания формирования. Было предельно ясным: кто попытается пошатнуть позиции ХДНП, совершит, по сути, «святотатство». С другой стороны весь политический опыт ХДНП, накопленный за 20 лет существования формирования, нацелен на «раскрытие угрозы коррупции», исходящей исключительно от других оппозиционных формирований, которые, как это ни странно, находятся на правоцентристском сегменте. Очевидно, что в канун парламентских выборов 2009 года положение на правом фланге политического спектра весьма плачевно, а причин, чтобы продолжить выяснение отношений и сведение счетов возникает все больше.

3.3 Центристский сегмент политического спектра

В центристском сегменте политического спектра, как правило, доминируют партии, которые можно назвать «креатурами власти», то есть партии, созданные при помощи административного фактора влиятельными политическими группами, которые тем или иным образом находятся у власти. Аграрно-демократическая партия Молдовы (АДПМ), учрежденная 19 октября 1991 года парламентской группой «Сельская жизнь», может послужить первым таким примером после провозглашения независимости Республики Молдова. Большинство членов группы «Сельская жизнь» были не только депутатами, но и возглавляли колхозы, совхозы и другие предприятия АПК. Поэтому их уничижительно называли «сельской номенклатурой». Впоследствии, однако, оказалось, что среди представителей «сельской номенклатуры» было достаточно порядочных людей, разделявших патриотические чувства, отличавшихся добрыми намерениями, которые просто оказались непонятыми. Небезынтересен тот факт, что АДПМ была создана примерно через неделю после того, как 13 октября 1991 года руководство НФМ объявило об уходе в оппозицию. Эта деталь указывает на то, что члены группы «Сельская жизнь» постарались не допустить возникновения вакуума власти. Им хватило дальновидности подготовить политическую платформу и шаг за шагом получить власть. Их платформа была заявлена как «центристская» с тем, чтобы предложить компромисс для преодоления «радикальности» НФМ и Интерфронта.

После учреждения партии влияние АДПМ резко усилилось. Сразу после парламентских выборов, в феврале-марте 1990 года, парламентская груп-

па «Сельская жизнь» насчитывала около 60 депутатов из общего числа в 380, а к досрочным парламентским выборам, состоявшимся в феврале 1994 года, формирование занимало ключевые должности в руководстве страны. Премьер-министр на самом деле был настоящим лидером АДПМ, а глава государства и председатель парламента, хоть и не были членами партии, поддерживали формирование. По всей видимости, «центристская» позиция и общее «номенклатурное» прошлое помогли этим трем ключевым фигурам в государстве чувствовать себя уютно под политической крышей АДПМ. Именно это гарантировало исключительную административную поддержку АДПМ, что и обеспечило ей абсолютное большинство в Парламенте – 56 мандатов из 104.

Неожиданный распад АДПМ оказался более стремительным, чем ее подъем. Спустя всего год после получения абсолютного парламентского большинства в АДПМ начался раскол, а после парламентских выборов 1998 года эта партия и вовсе была исключена из политического оборота Республики Молдова. «Центристская» идеология оказалась неэффективной против амбиций трех лидеров¹⁸, один из которых хотел переизбрания на должность главы государства, тогда как двое других мечтали занять его место. Как бы то ни было, АДПМ бесследно не исчезла. Из двух групп, отколовшихся от формирования, родились другие две партии, которых по праву можно расценивать, как и АДПМ, «креатурами власти». Таким образом, в 1995 году экс-президент Мирча Снегур при поддержке группы бывших депутатов АДПМ, принявших решение последовать за ним, образовал Партию возрождения и согласия Молдовы (ПВСМ). Второе формирование – Движение «За демократическую и процветающую Молдову» (ДДПМ)¹⁹ – в феврале 1997 года создала другая группа депутатов АДПМ, которые пытались таким образом обеспечить парламентскую поддержку бывшему спикеру Петру Лучинскому, избранному в декабре 1996 года на должность главы государства.

Еще одним формированием, которое можно считать «креатурой власти», является Партия «Альянс «Наша Молдова» (ПАНМ). Ее истоки – в Альянсе независимой Республики Молдова (АНРМ), который уже с момента своего учреждения стал чистой «креатурой власти», но только на этот раз

---

¹⁸ Речь идет о президенте Мирче Снегуре, председателе парламента Петру Лучинском и премьер-министре Андрее Сангели.

¹⁹ С 2000 года ДДПМ называется Демократической партией Молдовы (ДПМ).

местной, а вернее, столичной - власти муниципия Кишинев. Последнее, впрочем, вполне объяснимо, ведь удельный вес Кишинева в экономике страны равен 60-70%, тогда как кишиневские избиратели составляют ~25% электората страны. Приход АНРМ в политическую жизнь интересен тем, что он показал: когда ПКРМ превратилась в доминирующую на национальном уровне партию и захотела распространить свой контроль и на местном уровне, независимые представители местной власти дали отпор этим стремлениям, создав собственную партию. Более того, эта «креатура власти», на этот раз местной, сумела потом стать альтернативным центром для сплочения оппозиционных политических сил. Существует еще один довод, чтобы считать ПАНМ «креатурой власти». Речь идет о том, что в 2002 году партия экс-президента Мирчи Снегура объединилась с другими мелкими партиями, а в 2003 – еще с АНРМ и Социал-демократическим альянсом Молдовы (СДАМ) во главе с экс-премьером Думитру Брагишем, создав ПАНМ собственно на правовой базе СДАМ.

Отличительная черта партий, являющихся «креатурами власти», заключается в том, что их возглавляли или возглавляют те, кто в свое время занимал высокопоставленные государственные должности: глава государства, председатель парламента, премьер-министры и примар столицы. Главный козырь таких партий в том, что, как правило, они «центристские» и позиционируются на левоцентристском – правоцентристском сегменте. В принципе, они могут добиться немалой выгоды от обладания так называемой золотой акцией, что тем более вероятно в условиях системы «двух с половиной партий». Хотя в Республике Молдова партийная система нестабильна и нельзя утверждать, что в стране существовал или же намечается определенный тип классической партийной системы, тем не менее, когда силы правого или левого толка относительно сопоставимы, центристские в любом случае, способны склонить чашу весов в ту или иную сторону. Именно так произошло после парламентских выборов 1998 года, когда Блок «За демократическую и процветающую Молдову» (БДПМ), хотя оказался только третьим в электоральной гонке, сумел склонить чашу весов в сторону создания Альянса ««За демократию и реформы»» (АДР). Но поскольку с 2001 года ПКРМ имеет абсолютное большинство в парламенте и превратилась в доминирующую партию, возможные услуги центристских партий оказались бесполезными. В настоящее время, однако, появились явные признаки того, что после парламентских выборов 2009 года роль центристских партий в политическом «уравновешивании» может значительно возрасти.

Уязвимое место партий, являющихся «креатурами власти», в их ограниченной способности выжить в периоды, когда они вынуждены уйти от власти и перейти в оппозицию. Во время предыдущих электоральных циклов продолжительность их пребывания у власти фактически не превышала срок одного парламентского созыва. С переходом в оппозицию такие партии на самом деле превращаются в «нормальные партии». Их способность к выживанию зависит от того, в какой мере, воспользовавшись доступом к «административным ресурсам» во время пребывания у власти, им удастся консолидировать «влиятельных людей», включенных в различные органы госуправления и/или бизнеса, чтобы сохранить при них структуры формирований, в том числе территориальные ветви.

На сегодняшний день только два формирования из числа «креатур власти» – ДПМ и ПАНМ – удерживаются на плаву и имеют оппозиционные парламентские фракции. Первая находится на левоцентристском сегменте, а вторая – на правоцентристском сегменте политического спектра. Хотя, на первый взгляд, кажется, что центристские партии, являющиеся «креатурами власти», заботятся о сохранении у власти определенных политических групп, на самом же деле их положительная роль состояла в смягчении конфликтов, порожденных «радикальностью» формирований правого и левого толка, так как они являются сторонниками решений «золотой середины».

IV

Воздействие чередования перемен и стабилизации на развитие партий

Развитие молдавской политической жизни характеризуется определенной периодичностью, обусловленной чередованием *перемен* и *стабилизации*. Такое чередование, по сути, выражает суть *перехода* молдавского общества от тоталитаризма к демократии. Вероятно, в *переходный* период удастся преодолеть для возвращения в *нормальное русло* лишь, когда политические колебания, обусловленные *переменами* и *стабилизацией*, будут происходить в пределах определенной точки равновесия. Это позволило бы избегать как дестабилизации, так и застоя, которые одинаково опасны. Подобную точку равновесия молдавский политический класс ищет уже лет 15, пытаясь определить так называемую *национальную идею*. Но поскольку внешние факторы воздействует на политическую стабильность в Республике Молдова несравненно сильнее, чем внутренние способности противостоять подобному влиянию, то определение так называемой *национальной идеи* оказалось делом предельно сложным. Молдавский политический класс поставлен в положение, когда ему нужно попытаться понять, что может стать точкой равновесия для интересов великих держав и ближайших соседей по вопросам, которые касаются Республики Молдова самым непосредственным образом. Например, благодаря вовлечению России, Украины, ЕС, США и ряда международных организаций в решение ряда вопросов, касающихся единства Молдовы, удалось добиться интернационализации процесса приднестровского урегулирования; расширение ЕС и НАТО до рубежей Республики Молдова. Однако при этом великие державы и соседи вступают в состязание, в котором Республика Молдова выступает предметом их влияния. В частности, воздействие российско-грузинского вооруженного конфликта на региональную безопасность и на перспективы приднестровского урегулирования и реинтег-

рацию страны очень четко показало, что Республика Молдова не может оставаться и с теми, и с другими и что ей придется разделять позиции либо Запада, либо России. Как минимум для того, чтобы не быть лишь предметом влияния. Будучи субъектом, преследующим свои собственные интересы, Республика Молдова должна четко и внятно ответить вызовам, связанным с: расхождениями между заявленной евроинтеграционной целью и участием в структурах СНГ - пределами, до которых страна может находиться на двух конкурирующих платформах. Нарастание торговли с государствами ЕС, с одной стороны, и коммерческий прессинг, который выражается в российском эмбарго для молдавского экспорта, с другой стороны, недвусмысленно подсказывают, в каком направлении следовало бы двигаться Республике Молдова. Более того, постоянное, а порой драматическое повышение цен на импортируемые из России углеводороды и финансовая помощь со стороны ЕС являются как раз теми факторами, которые не оставляют места для колебаний по поводу определения стратегических целей.

После нескольких электоральных циклов вышеперечисленные факты побуждали политические силы Республики Молдова достичь *национального консенсуса* в отношении европейской интеграции. Тот факт, что политические партии все же его достигли, несомненно, положительный. По крайней мере, можно надеяться, что политическое состязание с расходящимися векторами, когда одни нацелены на Восток, а другие – на Запад, превратится в политическое состязание с конвергентными векторами (в сторону европейской интеграции). В итоге, основным молдавским политическим партиям останется выяснить, какая из них способна быстрее привести Республику Молдова в ЕС. В этом смысле небезынтересным будет проследить последовательность этапов *перемен* и *стабилизации*, которые пережила Республика Молдова до достижения *национального консенсуса*.

Романтический этап. В конце 80-х годов прошлого века *перемену* принесла горбачевская *перестройка*, которая изменила сам социальный порядок. В Молдове она проявилась в Движении национального возрождения, заложившего начало этапа *политического романтизма*. В тот период на политической сцене произошел подъем Народного фронта Молдовы (НФМ) и развал Коммунистической партии, которую на арене временно сменили несколько политформирований - выходцев из нее же. Первоначально, в 1988-1989 годах, НФМ поддержал резолюции XIX Конференции КПСС, принявшей программу реформы политической системы СССР на основе свободных выборов и усиления роли советов. К сожалению, в тот период к основным ценностям молдавской политики *толерантность*, увы, не относилась. Ведущие политические группировки не интересовала возможная реакция оппонентов на их действия. Именно в подобном контексте НФМ принял ряд решений, имевших принципиальное значение для развития Молдовы и вызвавшие неоднозначную реакцию других политических сил. Сразу же после парламентских выборов, состоявшихся в феврале-марте 1990 года, на своем майском съезде НФМ принял несколько резолюций: об изменении названия Молдавской Советской Социалистической Республики на Румынскую Республику Молдова; об официальном утверждении этнонима «румынский народ» и глотонима «румынский язык»; об автокефальной независимости Церкви с адекватным названием – Автокефальная Румынская Православная Церковь Бессарабии, Приднестровья и Северной Буковины и т. д. Подобные требования НФМ были враждебно встречены другими политическими группами, приобретающими все большее влияние. В итоге, спустя примерно полтора месяца после провозглашения независимости Республики Молдова, в октябре 1991

года, НФМ был вынужден объявить о своем переходе в оппозицию... Это решение стало реакцией НФМ на несогласие других политических групп поддержать позицию НФМ об объявлении Молдовы парламентской республикой и ограничении полномочий главы государства.

Апогей развития НФМ был достигнут в 1992 году, когда формирование поставило перед собой стратегическую цель объединения Республики Молдова с Румынией. К основным завоеваниям *романтического* периода следует отнести: переход молдавского/румынского языка на латиницу, его провозглашение государственным языком, провозглашение суверенитета и независимости Республики Молдова и проч. С другой стороны, эти завоевания спровоцировали ответную реакцию, проявившуюся в сепаратистских движениях против «румынской угрозы» в приднестровском регионе и на юге Молдовы, где количество русскоязычного населения русской, украинской и гагаузской национальности превышает количество молдавского населения. И по сей день неразрешенный конфликт в Приднестровье остается наследием *романтического* периода. Благодаря привлечению ведущих мировых держав к выработке путей ликвидации конфликта, а также учитывая уроки истории и положения международного права, до сих пор удается обеспечивать «замороженность» конфликта.

Прагматический этап. *Стабилизация* социально-политической ситуации начала намечаться на фоне «замораживания» летом 1992 года сепаратистского конфликта в Приднестровье и *институционализации* свобод, завоеванных в *романтический* период, то есть через утверждение в 1994 году новой Конституции суверенного и независимого государства – Республика Молдова. Примечательно, что за новую Конституцию не проголосовали формирования-выходцы из НФМ, которые по-настоящему боролись за независимость Республики Молдова. Таким образом, свободу, завоеванную преимущественно при участии НФМ, *институционализировала* Аграрно-демократическая народная партия Молдовы (АДПМ), сумевшая постепенно отвоевать власть у НФМ. Политические силы - выходцы НФМ, не стали голосовать за новую Конституцию из-за того, что та официально закрепляла название государственного языка как молдавский, а не румынский. В Республике Молдова проблема названия языка превратилась в чисто политическую, поскольку ни одна из политических сил больше не оспаривала равнозначность румынского и молдавского языков, а лишь возможность называть его тем или иным образом. Рассматриваемый период можно называть *прагматическим* и потому, что

АДПМ, находившаяся в то время у власти, дала старт *преобразованию* государственной собственности в частную. Вероятно, именно борьба за контроль над важнейшими процессами, среди которых на первом месте была приватизация, довели АДПМ до раскола и заката. По крайней мере, начало заката АДПМ началось в тот момент, когда три национальных лидера, поддерживающих АДПМ, одновременно решили включиться в борьбу за должность президента Республики Молдова. Ставка была огромной, ведь полупрезидентская система, закрепленная Конституцией 1994 года, давала президенту достаточно широкие полномочия, чтобы влиять на социально-экономические процессы, в том числе и на связанные с приватизацией. В тот период молдавский политический класс уже прекрасно понимал, что в стране, переживающей переходный период, политика – лучший бизнес. Распад АДПМ подорвал *стабильность*, вызвав политические «судороги» и возникновение целого ряда новых партий. После парламентских выборов 1998 года *осколки* бывшего АДПМ, вступив в союз с формированиями-выходцами из НФМ, образовали Альянс «За демократию и реформы». Пребывание АДР у власти совпало с чередой правительственных, финансовых, конституционных и другого рода кризисов, обернувшихся удручающими последствиями для граждан и способствовавших возвращению ПКРМ к власти. Заслуга политических партий того периода состоит в том, что в марте 1996 года им удалось воспротивиться намерению президентуры подчинить себе Министерство обороны, а в 2000 году сумели сорвать намерение президентуры превратить Молдову в президентскую республику.

Этап псевдореставрации. Абсолютная победа ПКРМ на парламентских выборах 2001 года подтвердила, что большинство молдавских граждан хотят коммунистической *реставрации* в качестве альтернативы тяготам переходного периода. В сущности, речи в поддержку обещанной ПКРМ *реставрации* были ничем иным как высказываниями в пользу *перемены* в сторону обратную той, которая произошла в начале 90-х годов прошлого века. Впоследствии оказалось, что, по сути своей, *реставрация* была *псевдореставрацией*. Под давлением обстоятельств ПКРМ пришлось переиначить свои обещания: возобновить строительство социализма и коммунизма на основе марксистско-ленинской теории; привести Республику Молдова в Союз Россия-Беларусь; и способствовать возрождению СССР на новых началах. На вопрос о невыполненных обещаниях лидеры ПКРМ пояснили: они обещали только, что в случае победы рассмотрят возможность выполнения перечисленных целей, а не что выполняют их. Убедившись в невозможности достижения данных целей, они решили

продолжить реформы, начатые предшественниками, но в определенной степени приспособив их к интересам граждан, обнищавших в результате *переходного периода*. Став доминирующей партией, ПКРМ удалось даже в условиях полупарламентской системы быстро построить собственную *вертикаль власти* по модели Российской Федерации. Вместе с тем, хотя у ПКРМ в парламенте и было конституционное большинство (71 мандат из 101), хотя она удерживала контроль над исполнительной и судебной властью, в период *псевдореставрации* политическая ситуация в Республике Молдова была нестабильной. Ведущая оппозиционная сила того периода – ХНДП – организовала множество протестов с участием десятков тысяч демонстрантов. Протесты были нацелены против намерений ПКРМ пересмотреть законодательство о языке и образовательную политику относительно преподавания истории. Другим предлогом для конфликтов стало намерение ПКРМ урегулировать приднестровский конфликт «за спиной Европы, в которую мы хотим интегрироваться» путем федерализации страны, предоставления приднестровскому региону широкого права вето и наделения России правом «гарантировать урегулирование» через создание на территории Республики Молдова военной базы. Опасения, что подобного рода уступки могут подорвать независимость Республики Молдова, привели к сплочению практически всех оппозиционных сил против ПКРМ. Конфликт стал настолько опасным, что для его улаживания потребовалось вмешательство европейских структур. Это удалось и благодаря тому, что все политические силы согласились подчиниться резолюциям Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) об установлении моратория на решение спорных проблем.

Этап национального консенсуса. Парламентские выборы марта 2005 года проходили в условиях напряженной атмосферы, на которую повлияли *цветные революции* в Грузии и на Украине. Во время предвыборной кампании ведущие оппозиционные формирования – ХНДП и Блок «Демократическая Молдова» (БДМ) – открыто заявляли, что в случае подтасовки голосования последуют сценарии опротестования результатов выборов по грузинской и украинской модели. Однако дело приняло другой оборот, так как ОБСЕ признала выборы относительно корректными, а разница между количеством голосов, набранных ПКРМ (~46%), БДМ (~28%) и ХНДП (~9%), была слишком большой, чтобы надеяться, что опротестование результатов выборов может изменить предпочтения электората при повторном голосовании. А поскольку ПКРМ добилась абсолютного большинства в парламенте, но не имела достаточного числа мандатов – 3/5

– для переизбрания своего лидера на должность главы государства, потребовался компромисс с оппозицией. Альтернативой компромиссу могла стать организация новых парламентских выборов спустя всего пару месяцев после очередных выборов. Такая перспектива была чревата серьезной опасностью в стране с неразрешенным сепаратистским конфликтом и политическим классом, раздираемым антагонистическими конфликтами. Впоследствии были обнаружены многочисленные материалы, подтверждавшие, что переговоры относительно компромиссного решения проводились при поддержке и посредничестве западных экспертов. По сути дела, компромисс был достигнут между ПКРМ (56 мандатов) с одной стороны и его главным политическим противником периода *псевдореставрации* – ХДНП (11 мандатов), к которым присоединились ДПМ (8 мандатов) и Социал-либеральная партия (3 мандата), при этом последние две откололись от БДМ (34 мандата). ПАНМ, которая была оплотом БДМ, в переговорах не участвовала, так как она не признала действительность результатов парламентских выборов. Лидеры ПАНМ были правы, когда обращали внимание на то, что условия компромисса с ПКРМ на самом деле совпадали с обязательствами Республики Молдова подчиниться ряду принципов и осуществлять реформы, уже включенные в План действий Европейский союз – Республика Молдова (ПДЕСРМ), подписанный за две недели до парламентских выборов. В таких условиях вопреки тому, что ПАНМ не пошла на компромисс с ПКРМ, и, тем самым, завоевала право считаться основной оппозиционной силой, на первом заседании нового парламентского созыва в марте 2005 года она единогласно проголосовала с остальными фракциями за *Декларацию о политическом партнерстве в целях реализации задач по европейской интеграции*. Основой документа стал широкий консенсус всех четырех парламентских фракций относительно последовательного и необратимого продвижения стратегического курса *европейской интеграции*. Впоследствии представители ведущих политических партий давали понять, что европейскую интеграцию можно признать национальной идеей, так как принятие указанной декларации в результате консенсуса доказало ее потенциал для сплочения.

Национальный консенсус, выразившийся во внедрении правительством ПДЕСРМ, серьезнейшим образом повлиял на *стабилизацию* социально-политической ситуации, которая стала более предсказуемой. Оппозиции досталась роль критика процесса реализации ПДЕСРМ. И все же самым спорным явлением, возникшим в период *национального консенсуса*, было особое политическое партнерство между исторически непримиримыми

политическими противниками, а именно между ПКРМ и ХДНП. Их партнерство не только выстояло в течение последнего парламентского созыва, но даже упрочилось в результате взаимодействия в процессе разделения влияния в сфере электронных СМИ и приватизации нескольких общественных аудиовизуальных институтов. Остальные политические партии (парламентские и внепарламентские), имеющие определенный вес, выражали свою обеспокоенность по поводу разделения *сфер влияния* в информационной сфере между двумя формированиями. Их обеспокоенность не была беспочвенной, так как за этими высказываниями последовала относительно скоординированная кампания по очернению политических оппонентов; она выявила, что ПКРМ и ХДНП прекратили нападки друг на друга и стали сводить счеты с общими политическими врагами. Данный факт можно считать доказательством того, что в Республике Молдова существует явление, которое за последние годы подвергалось критике как на Западе, так и в России: *картелизация*²⁰ межпартийных отношений.

Впрочем, *национальный консенсус во имя европейской интеграции* подводит черту под борьбой, которую на протяжении последних 15 лет вели формирования-выходцы из Движения за национальное возрождение и ПКРМ в качестве бывшего проводника идей коммунистической *реставрации*. ПКРМ перестали воспринимать как подлинно коммунистическую партию, а ХДНП, отошедшая от идей НФМ, провозгласила себя проводником идеи превращения независимой Республики Молдова в успешный проект. Остальные политические партии оспаривают не столько заявленные ПКРМ и ХДНП цели, сколько способы их достижения и поведение этих двух формирований. Накануне парламентских выборов, которые должны состояться весной 2009 года, господство ПКРМ с *левого фланга* оспаривают несколько мелких социалистических и пророссийских партий, обвиняющих ПКРМ в отступничестве и обращении в проевропейскую веру. С другой партии либерального толка отрицают позиции ХДНП с *правого фланга* и обвиняют ее в «предательстве», имея в виду, в первую очередь, партнерство с ПКРМ, а не отказ от унионистских идеалов. Изменение стратегических целей ПКРМ и ХДНП на основе политического консенсуса можно считать *закатом истории* (почти 20-летней) политических партий, имеющих глубокие корни в молдавской «политической почве».

---

²⁰ А. Н. Кулик, Парадокс «заката» политических партий на западе и его проекция на российскую многопартийность, Политическая наука, №1, 2006, Российская Академия Наук, Институт научной информации по общественным наукам, Москва 2006.

Стоит отметить, что *политический консенсус* сопровождается другим небезынтересным явлением: появлением политических амбиций у процветающих бизнесменов, которые хотят заявить о себе в политике. Так, лидерами Социал-демократической партии (СДП) и Либерал-демократической партии Молдовы (ЛДПМ) являются весьма успешные бизнесмены. Пока неясно, как откликнется молдавский электорат на политические предложения добившихся успеха в бизнесе деловых людей.

В первую очередь возникает вопрос, в какой мере бизнесмены умеют разграничивать государственные интересы и частные. Хотя в любом случае риск не велик, ведь в такой стране, как Республика Молдова политика останется самым выгодным бизнесом в смысле обеспечения благоприятных условий приближенным экономическим кланам. Больше доверия, конечно, вызывают деловые люди, создавшие свой бизнес вне политики, нежели те, кто обогатился в результате участия в политике. Можно предположить, что первые, достигшие определенного уровня благополучия, захотят облагородить себя, направив свои усилия на благо общества. Так или иначе, но в самое ближайшее время картелизация молдавских политических партий станет, по всей видимости, действительностью. Картелизация партий означает их превращение, скорее, в команды политических менеджеров, для которых главной является эффективность принятых решений (ради этого они могут согласиться на любые компромиссы). При этом быстрое получение результата интересует их для обеспечения своего статуса, а не для представления и продвижения интересов определенных социальных сегментов. Как это ни странно, в случае *политического консенсуса в целях европейской интеграции* картелизация представляется не самым плохим решением.

Что касается чередования этапов *перемен и стабилизации*, то после этапа *национального консенсуса*, вполне вероятно, что возможная после парламентских выборов 2009 года *перемена* не будет иметь такого национального размаха, как это было в *романтический* период или в период *псевдореставрации*. Скорее всего, произойдут секторные *перемены*. То есть социалистические, пророссийские партии с одной стороны и социал-демократические – с другой, попытаются *изменить* статус ПКРМ как доминирующей партии на статус «нормальной», хотя и весьма влиятельной, партии. В этом отношении важную роль может сыграть Центристский союз Молдовы (ЦСМ), который с недавних пор возглавляет экс-премьер Василе Тарлев. На правом фланге не исключены *перемены*, в том смыс-

ле, что Либеральная партия (ЛП) и Либерал-демократическая партия Молдовы (ЛДПМ) будут представлены в парламенте следующего созыва. Складывается впечатление, что ЛП еще сохраняет амбиции занять место ХДНП в качестве формирования, продвигающего прорумынскую политику. Существует и другая точка зрения, согласно которой в следующем электоральном цикле секторные *перемены* способны перерасти в крупномасштабную дестабилизацию, вероятность которой увеличивается в условиях раздробленности политического спектра и сохранения антагонизма между политическими партиями.

Влияние законодательства о партиях и о выборах на многопартийность

5.1 Влияние законодательства о партиях

Учитывая, что многопартийность в Республике Молдова развивалось посредством состязания национальных движений, стоит отметить, что она не подпадает под теорию Жоржа Лаво о путях развития политической системы. Он утверждает, что партийные системы – результат социальных и исторических процессов²¹, и, в меньшей степени являются результатом избирательной системы. Действительно, национальные движения, опираясь на данные истории, стремились привести социально-политические процессы в соответствие с «исторической истиной». Но проблема была в том, что «исторические истины», продвигаемые различными формированиями, были антагонистическими и порождали социальную напряженность, сепаратистские движения и социально-экономическую деградацию.

Первый Закон о партиях и других общественно-политических организациях, принятый парламентом 17 ноября 1991 года, был мягким и качественным; он содержал достаточно простые и легко выполнимые нормы относительно регистрации партий и других общественно-политических организаций. Так, требовалось собрать 300 подписей и выполнить несколько формальных процедурных требований. Закон не предусматривал какого-либо существенного различия между партиями и политическими движениями и позволял участвовать в политической жизни всем желающим. Под обоими типами организаций закон признавал «добровольные объединения граждан, создаваемые на основе общности взглядов, идеа-

---

²¹ Georges Lavau, *Partis politique et realites sociales*, Paris, Armand Colin, 1953.

лов и целей и способствующие осуществлению политической воли определенной части населения путем законного завоевания государственной власти и участия в ее реализации». Согласно этому же закону, другими общественно-политическими организациями признаются также фронты, лиги, массовые политические движения и т.п. Регистрация принадлежности была обязательной для всех партий и общественно-политических организаций.

Вышеперечисленные нормы оставались в силе до 1998 года, когда в результате упрощенного процесса регистрации число партий в стране превысило 60. Парламентские выборы 1994 года и 1998 года продемонстрировали, что только четыре партии и блока преодолели электоральный порог, составляющий 4%. Остальные примерно 10-15 партий и избирательных блоков, участвовавших в выборах, не смогли пройти установленный представительский ценз, набрав вместе около 20% голосов. Таким образом, почти половина зарегистрированных партий даже не смогла принять участие в выборах, хотя для этого нужно было лишь зарегистрировать списки кандидатов в Центральной избирательной комиссии. Вот почему в сентябре 1998 года Закон о партиях был изменен, а условия регистрации партий стали намного жестче. Все существующие партии были обязаны пройти повторную регистрацию, а новые партии регистрировались лишь при условии, что они насчитывали не менее 5000 членов, представляющих, по меньшей мере, половину административно-территориальных единиц страны, в каждой из которых должно было быть не менее 150 членов. После закрепления новых норм, по сути, стала невозможной повторная регистрация региональных политформирований, что вызвало недовольство политических партий национальной автономии Гагауз Ери.

В 2002 году правящая партия внесла новые изменения в Закон о партиях. Согласно нововведениям, партии были теперь обязаны ежегодно представлять отчеты и проходить повторную регистрацию, чтобы доказать, что число их членов не стало меньше 5000. Однако недовольство партий, а также давление европейских структур заставило власти пойти на уступки и вернуться к старым нормам. В декабре 2007 года парламент принял новый закон о партиях, предусматривающий финансирование из государственного бюджета политформирований, представленных в законодательном органе, то есть одолевших 6-процентный электоральный порог, и тех, кто имеет в местных советах регионального уровня не менее 5% общего числа советников. В этих целях на финансирование партий – пропорционально

числу мандатов в парламенте и региональных советах – предполагается выделять 0,2% государственного бюджета. Данная норма вступит в силу после парламентских выборов, которые состоятся весной 2009 года. Эти положения направлены на то, чтобы поставить мелкие партии в более сложное положение по сравнению с более сильными. Оценки, полученные на основе результатов последних выборов и опросов общественного мнения, показывают, что лишь 7-8 из 28 зарегистрированных партий способны в полной мере включиться в политический поединок за получение парламентских мандатов. А из 7-8 партий, имеющих реальные возможности, скорее всего только 4-5 сумеют реализовать свой шанс.

5.2 Влияние законодательства о выборах

На развитие партийной системы Республики Молдова очень сильно повлияла абсолютная пропорциональная избирательная система, которая использовалась на протяжении четырех электоральных циклов начиная с 1994 года. Переходу к пропорциональной системе предшествовали выборы в Верховный Совет МССР, которые прошли в феврале-марте 1990 года и которые спустя примерно 50 лет впервые состоялись в условиях политической конкуренции. Причиной перехода от мажоритарной системы к пропорциональной стало то, что после выборов 1990 года многочисленный сегмент депутатов предпочел отделиться от политических структур, которые их продвигали. При этом соответствующие парламентарии утверждали, что они «представляют народ», а не продвигавшие их политические структуры. В итоге, низкую функциональность законодательного органа, вызванную раздробленностью депутатского корпуса, отчасти отнесли на счет мажоритарной избирательной системы.

В канун досрочных парламентских выборов, намеченных на февраль 1994 года, был утвержден новый Закон о выборах парламента, предусматривавший организацию парламентских выборов на основе «ограниченной пропорциональной системы», то есть по закрытым спискам кандидатов от многомандатных избирательных округов, которые должны были соответствовать административно-территориальным единицам регионального уровня. Поскольку административно-территориальное устройство на базе уездов не было завершено, то создавать избирательные округа в соответствии с новым законом оказалось невозможно. Кроме того, невозможным было и создание избирательного округа и избирательных комиссий в районах, которые контролировал приднестровский сепаратистский

режим. При таких обстоятельствах парламент принял решение утвердить постановление о порядке введения в действие Закона о выборах парламента. Тем самым страна перешла от ограниченной пропорциональной избирательной системы к абсолютно пропорциональной: одна страна – один избирательный округ.

Депутатские мандаты распределялись только среди партий, набравших более 4% голосов избирателей, по правилу Виктора д'Ондта, которое поддерживает крупные партии. При этом избирательный порог не применялся в отношении независимых кандидатов; они могли пройти в парламент только, если число набранных голосов соответствовало методу наибольшей средней, подсчитанной по правилу д'Ондта. На парламентских выборах 1994 года и на всех других парламентских выборах ни один из независимых кандидатов не сумел набрать необходимое количество голосов для получения депутатского мандата. Партии, не преодолевшие 4-процентный представительский ценз, и независимые кандидаты набрали в совокупности 18% голосов, которые были «утрачены» и распределены пропорционально среди четырех политформирований, сумевших пройти избирательный порог.

В 1997 году был разработан и утвержден Кодекс о выборах, унифицировавший все электоральные нормы и процедуры. Он предусматривал создание Центральной избирательной комиссии, которая будет работать постоянно, и устанавливал срок ее полномочий – 6 лет. Кодекс о выборах сохранил абсолютную пропорциональную избирательную систему для выборов в парламент. Нововведением стал 4-процентный представительский ценз, который распространился теперь и на независимых кандидатов. Петру Лучинский, бывший в то время президентом страны, выступил против Кодекса о выборах и настоял на необходимости вернуться к мажоритарной избирательной системе или, по крайней мере, утвердить «параллельную» систему по немецкой модели. Вместе с тем парламентские фракции настояли на абсолютной пропорциональной избирательной системе с 4-процентным представительским цензом для всех конкурентов на выборах, в том числе и для независимых кандидатов.

Следующие существенные изменения в Кодекс о выборах были внесены в марте 2000 года. Они предусматривали повышение избирательного порога до 6% для партий, а также его снижение до 3% для независимых кандидатов. На этот раз изменения явно были направлены против мелких партий, которые совместными усилиями могли одолеть 4-процентный представительский ценз. В итоге, две бывшие парламентские партии, предложившие и поддерживавшие эти изменения, наказали сами себя, так как на парламентских выборах 2001 года они не сумели набрать необходимое количество голосов и преодолеть новый избирательный порог. Одной из этих партий, чтобы пройти избирательный порог, не хватило 0,1%. Если бы представительский ценз остался на уровне 4%, соответствующие партии смогли бы войти в парламент, и мажоритарная коммунистическая партия не имела бы конституционного большинства (71 мандат из 101), хотя и могла бы, согласно закону, избрать своего лидера на должность главы государства.

Тенденция устанавливать барьеры против «мелких» партий логически продолжилась в 2002 году, когда ПКРМ поддержала инициативу своего главного политического оппонента – Христианско-демократическую народную партию (ХДНП) и увеличила представительский ценз для электоральных блоков. Так, чтобы пройти в парламент, блоки, состоящие из двух партий, должны были набрать свыше 9% голосов, а включающие три и более партий – не менее 12% голосов. Разумеется, подобная мера метила в возможные предвыборные коалиции, которые могли бы соста-

вить конкуренцию уже утвердившимся политическим силам: правящей ПКРМ и основной оппозиционной силе – ХДНП. Смысл нововведения, по сути, сводился к попытке установить двухпартийную систему. Однако, она провалилась из-за того, что рейтинг ПКРМ был примерно в пять раз выше, чем у ее основного оппонента – ХДНП. В условиях, когда из-за новых избирательных цензов образование блоков стало опасным, возникла необходимость в создании электоральных мегаблоков. На парламентских выборах 2005 года подобным мегаблоком стал Блок «Демократическая Молдова», сумевший «протиснуться» между двумя главными партиями – ПКРМ и ХДНП – и сорвать их намерение создать двухпартийную систему.

В течение первых двух лет после *политического консенсуса* 2005 года в развитии электорального законодательства наметилась позитивная тенденция. По требованию оппозиционных парламентских партий, находящихся в партнерских отношениях с ПКРМ, были созданы рабочие комиссии по пересмотру законодательных актов РМ исходя из требований Венецианской комиссии Совета Европы. В числе пересмотренных был и Кодекс о выборах. В соответствии с его новой редакцией, Центральная избирательная комиссия состоит из 9 членов: по одному предлагают президент и правительство, а семь – парламентские фракции (в том числе большинство в составе 5 членов – оппозиционные фракции пропорционально числу полученных мандатов). Другое важное изменение состояло в уменьшении представительского ценза до 4%, что означало возвращение к первоначальному порогу, установленному еще при утверждении Кодекса о выборах парламентом в 1997 году. Для предвыборных блоков, независимо от числа вошедших в него политформирований, установлен унифицированный представительский ценз, равный 8%. Но даже не опробовав на практике последние изменения, в апреле 2008 года парламентское большинство ПКРМ при поддержке фракции ХДНП опять изменило положения Кодекса о выборах, существенно ужесточив условия для прохождения в парламент: представительский ценз был установлен на уровне 6%, избирательные блоки были запрещены, а обладатели двойного или множественного гражданства не могли становиться депутатами. Все это может означать, что на первый план вернулась идея создания двухпартийной системы.

VI

Выводы

Многopартийная система Республики Молдова стала неотъемлемым элементом *витринной демократии*. Недостатки молдавской демократии – прямое следствие качества *политической культуры* в стране, которая в полной мере проявилась в течение *переходного периода*. Вместе с тем, на протяжении последних 20 лет роль политических партий Республики Молдова в общих чертах была положительной. Самое большое достижение молдавских партий в том, что они не допустили установления в Республике Молдова президентской системы и что они постоянно и относительно успешно высказывались в поддержку уравновешенной обоюдной системы сдерживания и противовесов («checks and balance»). Выгода от этих достижений станет заметной после возвращения многopартийной системы Республики в нормальное русло.

Молдавская *демократия* – не результат осознанных усилий партий. Она является, скорее, второстепенным явлением, порожденным борьбой партий за господство на политической арене. По сути дела, молдавская *демократия* «протиснулась» сквозь антагонизм партий, ни одна из которых не сумела установить собственный полный контроль над властью или же добилась этого лишь на ограниченный, предусмотренный Конституцией срок. Подобное положение вещей сложилось в силу полупрезидентской конституционной (1994-2000) и полупарламентской системы (с 2000 года). В этом смысле, уже само существование многopартийности послужило позитивным фактором для *демократизации* Республики Молдова.

На поведение молдавского политического класса в немалой степени влияли внешние факторы. Выражая интересы небольшой страны, зависимой

от международной поддержки, политический класс должен был учитывать условия, с которыми увязывалось оказание Республике Молдова внешней экономической и политической поддержки, а именно: модернизация страны, реформирование экономики и внутренних институтов. И в этом смысле, внешнее влияние в общих чертах можно признать позитивным.

Достижение *национального консенсуса* в целях европейской интеграции – первый признак ответственности молдавского политического класса и его способности идти на компромиссы. Однако после достижения *национального консенсуса* снизилась острота идеологической и «геополитической» конкуренции между ведущими партиями. Подобное положение порождает новые угрозы, которые связаны с возможной *картелизацией* партий. Опасность такого явления пока еще нельзя оценить, однако, учитывая качество молдавской *политической культуры*, вполне можно предположить, что не считаться с этой угрозой нельзя.

